

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР С КОМПОНЕНТАМИ-ФИТОНИМАМИ

Кенесов Е.К.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, Республика Башкортостан (450076, г Уфа, ул. Заки Валиди, 32), bushedu.ru

В статье рассматриваются основные способы образования метафорических моделей с компонентами фитонимами на материале казахского языка. Автором проводится мысль о том, что знания и представления человека о мире и опыт его освоения легли в основу национальной языковой картины мира любого этноса и обусловили особенности его мировосприятия и менталитета. Статья представляет собой лингвокультурологическое исследование фитонимической картины мира как компонента языковой картины мира. Проводится описание важнейших аспектов взаимодействия языка и культуры, выявление особенностей хранения культурной информации в названиях объектов (фитонимов), культурно-маркированных, значимых для культуры и истории современного этноса. Рассматривается понятие картины мира как одного из способов концептуализации действительности. Выявление концептуальных метафор с компонентами фитонимами, определение их происхождения, изучение структуры и т.д. дает возможность установить связь времен, выявить аспекты картины мира данного народа, отражаемого в языке. Актуальность статьи связана с обострением интереса к феномену культуры, отражению национальной языковой картины мира обыденным сознанием.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, концептуальный анализ, фитонимы, национальная языковая картина мира, традиции, символ, национально-культурный компонент.

METHODS OF FORMING CONCEPTUAL METAPHORS WITH THE COMPONENTS OF THE PHYTONYMS

Kenessov E.K.

Bashkir State University, Ufa, Russia (450076, Ufa street ZakiValidi 32), bushedu.ru

This article discusses the basic methods of forming a metaphorical models with the components of the phytonyms in the Kazakh language. The author suggests that knowledge and man's understanding of the world and experience its development formed the basis of the national language picture of the world of any nation and caused the features of Outlook and mentality. The article is a linguistic and cultural study fitohimicheskikh picture of the world as a component of the language picture of the world. The description of the most important aspects of the interaction of language and culture, revealing the features of storage of cultural information in the names of objects (of phytonyms), culturally-marked, significant for the culture and the history of modern ethnic group.

Discusses the concept of worldview as a way of conceptualizing reality. The identification of conceptual metaphors with the components of the phytonyms, determination of their origin, the study of the structure, etc. allows you to set the times, to identify aspects of the worldview of the people, reflected in the language. The relevance of the article is associated with exacerbation of interest in the phenomenon of culture, the national language picture of the world of ordinary consciousness.

Keywords: cognitive linguistics, metaphor, conceptual analysis, phytonyms, the national language picture of the world, tradition, symbol, national-cultural component.

Согласно Вильгельму фон Гумбольдту слова и формы слов образуют и определяют понятия, и различные языки по своей сути, своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями [1].

Ведь знания и представления человека о мире и опыт его освоения, накапливаясь тысячелетиями, передавались людьми из поколения в поколение. Преломлялись сквозь призму конкретных культурно-исторических условий и общественно-экономического уклада того или иного народа или этноса, эти познания легли в основу их национальной картины

мира, обусловили особенности мировосприятия и менталитета, выразившиеся в своеобразии норм общественного устройства и взаимоотношений между членами общества, духовных структур и ценностей морально-этических и художественно-эстетических идеалов [4:192;194].

Художественно-эстетические идеалы казахов, связанные с фитонимами, реализуются в языке, в основе своей через метафоризацию. По мнению Хасанова Б., метафоризация названий растительного мира в казахском языке не столь распространена, как метафоризация названий животного мира. Пожалуй, чаще всего эти слова метафоризируются при внесении в них терминологического значения: гүл (цветок), жеміс (плод), название цветов, фруктов, ягод, деревьев и трав. Название овощей, как, например, брюква, морковь, свекла, горох и др., как замечает Хасанов Б., обычно не вовлекаются в метафоризацию [8].

Мы не можем полностью согласиться с мнением данного автора, поскольку все вышеприведенные примеры, так или иначе, являлись своего рода метафорами архаичных представлений казахов о растительном мире.

Исследователь казахской народной лирики Ф.Б. Кендыбаев приводит много метафор из флористического состава окружающей казахов природы. Ученый пишет: «Много в песнях метафор, которые обычно берутся из мира природы для характеристики всего облика девушки (чинар, тополь, береза, тал, лебедь, лиса, соловей). Причем эти метафоры имеют свои сложные эпитеты, показывающие исключительность. Например: «Шыңында өскен асқардың сен бір шынар» – «Ты – чинар, растущий на вершине горы», «Жапан дүзге сен біткен бір бәйтерек» «Ты – тополь – одиноко растущий в степи» (поэтому видный отовсюду, вспомним пушкинское сравнение: «как тополь киевских высот»), «Ойпаң жерге сен біткен жасыл қайың» – «Ты-зеленая береза, растущая на низине» (много влаги, поэтому пышная) [2: 17-19].

Надо отметить, что через качества и свойства растительного мира казахи передавали и душевные состояния, переживания человека. Так, у казахов со словами «рацветать» (гүлдену), или «распускать листву» (жапыракжаю) связаны периоды роста, развития, взросления, а также ощущения свободы, радости и другие внутренние состояния человека.

Точно также слово «пожелтеть» (сарғаю) «означает не только окрашивание в желтый цвет в буквальном смысле, но и является метафорой душевного спада, переживаний человека» [5:312]. Например, в ниже приведенной народной песне герой описывает свое внутреннее состояние, сравнивая его с желтеющей листвой:

Көшкенде, жылқы айдаймын аламенен,

Ауылыңа барушы едім даламенен.

Түскенде сен есіме, беу-қарағым,

Сагынын, саргаямын санаменен.

Когда кочуем, я гоню лошадей на пегом коне.

В твой аул, бывало, я ездил по степи.

Как вспомню тебя, милая моя,

От тоски – печали я желтею.

«Желтею» – обычное народное выражение тяжелых переживаний (желтеют растения, степь под жгучим солнцем). В работе дан подробный анализ приемов и средств выражения чувства тоски [2: 17].

Образность флористических метафор не только выражает красоту природы, но и «несет огромную значимость для воспитания человека, воздействуя на его душу, создавая особое поэтическое настроение и способствуя его эстетическим идеалам» [6:1626].

Исследователь З.Б. Цаллагова обращает внимание также на эзотерическое влияние «малых» жанров фольклора на наше сознание. Автор уже несколько лет занимается проблемами этнопедагогики и этнопсихологии. По мнению ученого, этнически различающиеся регламентации сходных жизненных ситуаций являются как бы вариантами некоей единой инвариантной основы, что можно проиллюстрировать сотнями примеров. Из числа приведенных Цаллаговой З.Б. примеров мы обращаем наше внимание на те народные афоризмы, в которых содержится лексический фитокомпонент. Вероятность, схожесть человеческих качеств по мере взросления с особенностями зарождения, взросления и отмирания дерева или растения, как формы жизни, легла в основу появления малых фольклорных форм, в которых присутствует лексический фитокомпонент. Так, – пишет Цаллагова З.Б. – проповедуя идею необходимости и эффективности раннего начала воспитания ребенка, основанную на обширном опыте и многовековой практике, различные народы в своих коротких назиданиях выражаются, в принципе, одними и теми же словами: «*Ветку гнут, пока она сыра, ребенка воспитывают, пока он мал*» (адыг.); «*Если не согнул прутом, не согнешь никогда колом*» (адыг.); «*Если пруток сырым не согнешь, сухим его не согнуть*» (абхаз.); «*Обруч, не свернутый из прутика, не свернешь из жерди*» (чечен.); «*Дерево гнется молодым (побегом)*» (осет.); «*Гни дерево, пока гнется, учи дитячко, пока слушается*» (русс.); «*Гни кол, пока он тонкий пруток, вырастет – согнуть не сможешь*» (балкар.); «*Если хочешь выпрямить дерево, делай это, пока оно молодо*» (японск.); «*Гни дерево, пока оно еще молодо, учи ребенка, пока он еще мал*» (армян.) [9].

В паремиологическом фонде казахского языка насчитывается немало идиоматических выражений с лексическим фитокомпонентом, выражающих художественно-эстетические идеалы народов. Надо отметить, что дерево у казахов несет как положительную, так и

отрицательную коннотацию. К первому можно отнести такие народные афоризмы, как, например: *Ағаштан бал, шөптен сүт ағылды* (букв. «выжимать мед из дерева и молоко из травы»), так говорят об изобилии; *ағашқа мәуе бітсе бәсең-бәсең* (букв. «чем старше дерево, тем ниже к земле опускается его крона»), т.е. о том, что человек по мере взросления становится более покладистым, черты его характера становятся более мягкими); *ағаштан түйін түйеді* (букв. «завяжет узел из дерева»), т.е. о человеке-мастере на все руки. К афоризмам с негативной коннотацией можно отнести: *ағаш атка мингизу* (букв. «посадить на деревянного коня»), т.е. стать предметом всеобщего обсуждения/обсмеяния; *бидайша қуырды* (букв. обжарил так, как обжаривают бидай (пшено)) – эквивалент русскому «разделать под орех»; *шие жегендей қылды* («букв. как будто черешни (вишни) поел), в значении «получить сильный удар в нос».

У многих народов при традиционном укладе жизни «особо весома и действенна была значимость как благопожеланий, так и зложеланий» [5:302]. У казахов-кочевников и скотоводов известно немало и первых, и вторых. Одним из благопожеланий, содержащих образно-поэтическое сравнение со свойством растений, можно назвать такие, как: *Жапырағыңжайылсын!* (Пусть распускается твоя листва!), или *үрім бұтағың көбейсін!* (Пусть разрастаются ветви твоего рода!).

Из зложеланий, специфических для скотоводческой культуры, можно назвать следующее: *шөбің жапырылмасын!* – Чтобы [у тебя] трава [корм скота] не поднялась/выросла!; *Жүргенжеріңде шөп шықпасын!* (Да чтоб трава не росла там, где [ты] ходил!) и др.

«Художественно-эстетические идеалы этноса находят свое выражение практически во всех формах нематериальной культуры народа» [4:191]. Так, народная антропонимия, особенно женская, выражает представления казахов о красоте, изяществе, нежности в личных именах. У многих тюркских народов, включая казахов, женские антропонимы содержат в своем составе также лексический фитокомпонент. Так, девичью красоту казахи сравнивали с нежным цветком, свежей с травой, вкусным плодом, стройным деревцем и т.д., например, *Алма* (в пер. яблоко), *Раушан* (роза), *Қызғалдақ* (тюльпан), *Мейіз* (вкусная как изюм), *Шырын* (подобно соку, утоляющему жажду) и др.

Нашли свое отражение поэтические сравнения с лексическим фитонимом и в языке устной поэзии. В казахском варианте одного из любимых общетюркских эпосов о Красавице Баян и юноше Козы-Корпеше описание красоты Баян построено на поэтических сравнениях и эпитетах, передающих эстетику девичей красоты, молодости, чистоты:

*Көргенім жоқ баянды өзі қандай,
Беті айдай деседі, бойы талдай,*

*Ерте кеткен Баянды іздеймін,
Баяндай қыз бар ма екен сірә сондай?*

Қозы Көрпеш, Баянның болған шағы,

Таза гүлдей аршылып солған шағы.

Қозы Көрпеш өлген соң Баянда өлген.

Сондай болсын әркімнің алған шағы [10: 133]

В данном фрагменте из эпоса понятие «**бойы талдай**» соответствует русскому «стройна как тополь», а **таза гүлдей аршылып солған шағы** – подобно распутившему свои лепестки и опавшему цветку».

В прозаическом переложении данного описания красоты девушки автор – писатель С.Санбаев отошел от оригинального размера текста с тем, чтобы максимально использовать все возможные приемы художественной речи как средства адекватной передачи текста оригинала на русский язык:

*Баян уже исполнилось четырнадцать лет, и была она такой дивной красоты, что люди звали ее не иначе, как Баян-слу, что означало красавица Баян. **Стройна, как тополь, гибка, как камышинка, выросла Баян-слу весела, как птичка в небе, нежна, как полевой цветок. Волосы ее были темней самой темной ночи. Глаза светились ярче самого ясного майского дня, губы были алыми, как весенний тюльпан, зубы ровные, белые, как морской коралл** [3:18].*

Заслуживающим внимание, на наш взгляд, является и такой уникальный феномен в современном казахском языке, как разнокорневой характер имени и имени действия в словах масло (каз. май) и мазать (каз. жағу). Данный феномен, «связанный с определенным культово- и хозяйственно-значимым растением, имеет свои корни в далеком прошлом народа и приоткрывает завесу на его культурно-историческое развитие» [7: 213]. В далеком прошлом масло, как продукт питания и отправления древнего культа поклонения, претерпевает процесс переименования, при этом сохраняется название самого масличного растения (*жауказын*), из которого производят данный продукт (наряду с маслом животного происхождения). А новое название продукта связано с почитанием широко распространенного у тюрков культа Богини Умай. Об этом подробно пишет основоположник казахской лингвистики Кудайберген Жубанов: Слово *жау* в сочетании *жау жұмыр* я перевожу «жир», «масло» (хотя оно такого значения в казахском языке не имеет), исходя из того, что уйгурскому *jaғ* (жир, масло), алтайскому *djuvid* в казахском соответствует форма *жау*.

Что же касается единственно известных казахскому языку значений имени *жау* (соответствующего орхонскому *јағъ* -враг) и глагола *жау* (соответствующего не кипчакской форме *јағъ* – «идти» дождю, снегу), то ни то, ни другое из этих значений не могло иметь места в словосочетаниях *жау жұмыр* (*дикий картофель*). К тому же слово *жау* налицо и в другом составном названии опять-таки съедобного растения- *жау қазын* (клубни тюльпана). Вторая часть этого сочетания – *қазын* - отглагольное имя от основы *қаз* (копать) + суффикс-*ын*, наличный и в составе слов *сауын* (дойное животное) от *сау* (доить) и *егін* (посев) от *ек* (сеять). Так что *қазын* означает *нечтокопаемое – ископаемое*, а вместе с *жау* (*жау қазын*) – ‘масличное ископаемое’. Очевидно, в казахском языке значения «масло», «жир» (масличный, жирный) употребляются как символ всякого съедобного и съедобные растения уточняются определением «масличный». О том, что некогда наш язык знал слово *јағ* (масло), говорит также существование глагола *жақ* (мазать), производного от значения «масло», или, что то же, «мазь». Именное же значение данной основы *жақ-жау* утрачено, будучи вытеснено другим словом-синонимом *јағ* – словом ‘*май*’. Последнее, по всей вероятности, стало господствовать в связи с культом божества-покровительницы женщин – Умай, фонетическим лишь вариантом которого (утратившим начальный узкий гласный, очевидно, бывший детерминативом) и является слово ‘*май*’ «масло», «жир». Такое невероятное отождествление названия женского божества словом, означающим «масло», «жир», оправдывается тем, что почитание культа Умай всегда сопровождается употреблением «*масла*» или «*жира*» вообще. Мусульманская религия не оставила места чистому виду культа Умай у казахов. Они не знают такого божества. Но зато процедура почитания Умай сохранилась в довольно чистом виде. Во время родов женщины бросают в огонь масло или сало, обращая при этом к каким-то забытым божествам со словами: «*От ана! Май ана! Жарылқа!*» (в переводе «*Мать огонь! Мать Май! (масло) Помилуй!*»). Об этой процедуре свидетельствует и классик казахской поэзии Абай в своем трактате «Пара слов о происхождении казахов». «*Мать Май*», к которой обращаются женщины за помощью в трудные моменты их жизни – во время родов – не могла быть никем иным, кроме как покровительницей женщин Умай. Но ее имя произносится казахами иначе, в Сибири, как *Май*, стать начального гласного ...[11: 419-420].

Заключение

Казахская флористическая картина мира таит в себе особенности архаического мышления и содержит информацию о духовных структурах, культурном коде и художественно-эстетических идеалах народа. Присутствующая в составе сакральной фитонимии, топонимии и антропонимии, образно-поэтических речениях, авторских решениях художественного текста, и т.д. этот пласт лексики еще недостаточно хорошо изучен с точки зрения ее лингвокультурной информации, проливающей свет на опыт

познания и освоения мира казахами через восприятие божественного мира растений, как одного из элементов гармоничной природы.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры // В.Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
2. Кендыбаев Ф.Б. Казахская народная лирика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1964. – 26 с.
3. Санбаев С. Казахская народная лиро-эпическая поэма «Козы Корпеш и Баян-слу». [Текст] / С. Кендыбаев. – Алматы: Жалын, 1984. – 48 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана // Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: материалы городской науч.- практ. конф. Москва, 24 ноября 2014 г. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 190-197.
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дис... д-ра филол. наук. – Уфа, 2002. – 367 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 3(1). – С. 1626-1627.
7. Фаткуллина Ф.Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира // Материалы II Международной научной конференции «Социальное развитие и общественные науки» / European Social Science Journal. – 2014. – № 3. – Т. 1. – С.212-225 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mii-info.ru/>
8. Хасанов Б. Метафорическое употребление слов в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1964. – 19 с.
9. Цаллагова З.Б. Рецепты гармонии // Педагогика будущего. Культурно-просветительский журнал Дельфис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.delphis.ru/>.
10. Жұбанов Е., Малбақов М. «Қозы Көрпеш-Баян сұлу» эпосының текстологиясы. – Алматы: Ғылым, 1994. – 144 б.
11. Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер (Исследования по казахскому языку). 3-е изд. – Алматы: Институт развития государственного языка, 2010. – 608 б.

Рецензенты:

Хайруллина Р.Х., д.фил.н., профессор кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа;

Фаткуллина Ф.Г., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.